

Деятельность ленинградских ульпанов в 1965–1970-х годах

Э. А. Бернадский

В статье рассматривается история возникновения Ленинградской сионистской организации и ульпанов, которые были основой ее деятельности, а также затронута история подготовки операции «Свадьба». Занятия в ульпанах способствовали пробуждению национального самосознания советских евреев, которое являлось одним из пунктов программы Организации.

Воссоздать картину появления организации и деятельность ульпанов помогают воспоминания Гилеля Бутмана, опубликованные после его эмиграции в Израиль. Он стоял у истоков организации, создал один из первых ульпанов в пригороде Ленинграда, был одним из организаторов операции «Свадьба», которая стала переломным моментом не только для ее участников, но и для других членов организации, а также для сионистского движения в СССР. Несмотря на опасения участников группы, что реализация плана по угону самолета погубит ульпаны, они продолжили свою деятельность и после ареста первых преподавателей.

Многие слушатели ульпанов, эмигрировав из СССР, профессионально занялись преподаванием иврита.

Ключевые слова: евреи Ленинграда, национальное возрождение, отказники, сионистское движение, ленинградская сионистская организация, ульпаны, операция «Свадьба».

Для цитирования: Бернадский Э. А. Деятельность ленинградских ульпанов в 1965–1970-х годах // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 146–160. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_146. EDN: OJGWRW

Введение

Неотъемлемой частью истории и культуры Санкт-Петербурга стали евреи, которые появились в городе с момента его основания в 1703 г. [1, с. 158].

За всю свою историю еврейская община города терпела как взлеты, так и падения, что напрямую было связано со сменой правителей, социально-экономическим курсом государства и внешними связями.

Одним из ярких периодов в жизни общины была вторая половина XX в. Еще полностью не оправившуюся после событий Великой Отечественной войны и сталинских репрессий, еврейскую общину ждал недолгий период «оттепели», который, вопреки всем ожиданиям, стал временем усиления антисемитской политики государства.

Вместе с этим начался новый рассвет еврейской культуры, зарождавшейся среди молодого поколения ленинградских евреев, воспитанного на советской идеологии и практически не знакомого со своей религией и национальной культурой.

Свою роль сыграла и Шестидневная война 1967 г., которая обострила у евреев «чувство национальной гордости и протеста против действий партийных властей» [2, с. 68].

Все это вдохнуло «новую жизнь» в деятельность еврейского населения страны – в СССР стало зарождаться еврейское движение за национальное возрождение, в котором выделились «два направления: за эмиграцию из страны и «культурническое», за отстаивание культурных и религиозных прав внутри СССР, или возможность национальной самоидентификации евреев внутри Советского Союза» [3, с. 16].

В Ленинграде в этот период возникла Ленинградская сионистская организация. С целью пробуждения национального самосознания евреев участники организации стали привлекать к занятиям в ульпанах еврейскую молодежь, которая стала ее движущей силой.

Несмотря на значимость ульпанов для движения евреев за национальное возрождение, вопрос этот малоизучен, а основным источником является мемуарная литература.

Самые значимые воспоминания для изучения истории ульпанов – мемуары Гилеля Бутмана, одного из основателей Ленинградской сионистской организации и инициаторов операции

«Свадьба». В своей книге «Иерусалим – Ленинград с долгой пересадкой» [4], написанной после освобождения в 1979 г. и репатриации в Израиль, он очень подробно рассказывал о возникновении сионистской организации в Ленинграде, о появлении первых ульпанов, об их устройстве и деятельности, о подготовке к операции «Свадьба», об аресте и последующих судебных процессах. Несмотря на трагичность этих событий для себя, своей семьи и друзей, Г. Бутман не без гордости говорил об их значимости для еврейской алии из СССР.

Г. Бутман в своих воспоминаниях отмечал: «Мне было бы трудно не написать эту книгу. И написать ее тоже было трудно. Но сдастся мне, что я должен был это сделать» [4, с. 16].

Воспоминания других участников организации посвящены в основном операции «Свадьба». Ульпаны в них упоминаются в связи с тем, что именно из числа их участников выбирались кандидаты для угона самолета.

Также стоит отметить статьи в ленинградских периодических изданиях, которые описывали судебные заседания и сроки, присужденные организаторам и участникам как операции, так и самой Ленинградской сионистской организации.

В историографии ульпанов Ленинграда 1965–1970 гг. отсутствуют полномасштабные работы, посвященные данному вопросу. И это неудивительно, так как историография евреев Ленинграда этого периода также малочисленна. Это связано с тем, что долгое время тема евреев в советской исторической литературе была под запретом, а все упоминания носили антисемитский характер.

В настоящее время появляются исследования, посвященные истории евреев Ленинграда, но большая их часть затрагивает историю евреев с момента основания города до окончания Великой Отечественной войны. В немногочисленных работах, посвященных советскому периоду жизни ленинградских евреев, также проскальзывают упоминания об ульпанах в контексте изучения еврейского национального движения и операции «Свадьба» [2; 3; 5–7].

Результаты

«Оттепель», на которую еврейское население возлагало большие надежды, не оправдала ожиданий. В СССР закрывались синагоги. Израиль, сионизм и еврейская религия

подвергались яростной критике. Пресекались контакты с зарубежными евреями.

До конца 1950-х гг. ни на идише, ни на русском языке в стране не издавались книги, затрагивавшие еврейский вопрос. Не было ни одного музея, посвященного истории, литературе, искусству еврейской нации – еврейская культура в СССР была практически уничтожена.

По сравнению с другими народами, населявшими СССР, евреи, особенно молодое поколение, испытывали явную, хоть и негласную, дискриминацию, которая проявлялась как в повседневной жизни, так и в доступе к высшему образованию, устройству на работу, продвижению по службе.

С осознанием ограниченности своих прав из-за национальности и отсутствия перспектив для дальнейшего развития на фоне внутривосточных факторов стало формироваться понимание о том, что есть родное государство – Израиль, родина предков, которая способна защитить и помочь.

Уже в первые годы существования Израиль продемонстрировал свой потенциал, а после Шестидневной войны, когда Советский Союз проводил жесткую антиизраильскую кампанию, что повлекло за собой усиление антисемитской атмосферы в советском обществе, желание репатриироваться только усилилось. Иллюзии, которые возникли у евреев во время «оттепели», в середине 60-х гг. XX в. окончательно разрушились. Еврейское население оказалось в непростой ситуации. С одной стороны, оно было оторвано от национальной культуры и лишено связей с зарубежными соплеменниками; с другой – ограничено в гражданских правах; с третьей – не могло выехать из страны.

Этот период стал началом поиска новых ценностей, которыми стали ценности национальные [5, с. 7]. Гордость за Израиль на фоне безвыходного положения породила еврейское движение за национальное возрождение. В разных городах Советского Союза возникали небольшие подпольные сионистские группы, которые впоследствии наладили между собой связи и вышли из подполья. К концу 1960-х гг. они превратились в гласное массовое движение [6, с. 327].

Ленинград не остался в стороне. В ноябре 1966 г. здесь также возникла сионистская организация в результате объединения двух молодежных подпольных групп. Один из ее организато-

ров – Гилель Бутман – в своих воспоминаниях указал формальную дату появления организации – 5 ноября 1966 г. Именно в этот день в пустынном парке Царскосельского лицея в г. Пушкине произошла встреча двух подпольных сионистских групп Ленинграда. «Был серый, промозглый день поздней осени. Ветер пронизывал насквозь, и мы тесно прижались друг к другу. По одну сторону стола я, Соломон Дрейзнер и Рудик Бруд, с которым Соломон вместе кончал строительный институт. По другую – Арон Шпильберг, Давид Черноглаз и Владик Могилевер. Арон – инженер, Давид – агроном, Владик – математик, аспирант университета. Все недавно закончили институты. <...> На их стороне стола не хватает Бена Товбина, на нашей – Гриши Вертлиба, моего товарища по юридическому институту. То, что их нет, не меняет дела: сегодня объединяются две ранее почти не знакомые четверки и создают организацию» [4, с. 32].

Участники встречи – поколение 1930-х гг., воспитанное на советской идеологии и незнакомое со своей национальной культурой и религией, но с пониманием своего происхождения. Под влиянием жизненных обстоятельств, когда идеалы коммунизма в сознании молодых евреев были очернены, они пришли к сионизму. Общее желание изменить свою жизнь, жизнь своих родных и близких, жизнь других советских евреев в лучшую сторону привело в парк и объединило малознакомых людей.

Во время встречи была достигнута договоренность о сборе членских взносов, о принятии устава в письменной форме. С целью борьбы «за свободный выезд в Израиль и распространение еврейской культуры для пробуждения национального самосознания» [7, с. 516] была принята устная программа организации, которая и стала основой для объединения двух групп. Позже было решено, что каждая группа будет действовать самостоятельно в рамках программы, но при этом они должны координировать между собой свою работу. Для всех участников встречи это был ответственный шаг, в первую очередь касающийся их безопасности. Если бы КГБ прознало об Организации, программа, устав и членские взносы на суде стали бы основой для серьезного обвинения. Но тем не менее организация была создана, программа принята.

До 1969 года деятельность Организации сводилась к просветительскому пункту программы, основой сионистских

групп стали ульпаны по изучению еврейской истории и иврита¹. Так, в 1967 г. в пригороде Ленинграда появился первый ульпан, который организовали Владимир Могиливер, преподававший потом иврит, и Давид Черноглаз, обучавший слушателей истории еврейского народа. Именно Владимир Могиливер считается основоположником преподавания иврита. Им была разработана методика преподавания языка в Ленинграде, а также он занимался обучением и подготовкой будущих учителей иврита.

Ульпан располагался в снятом на время доме в Репино. Комнаты в нем были просторные и вмещали в себя до двадцати слушателей. Но так как дом снимался осенью, перед воскресными занятиями дежурные всю ночь его протапливали из-за холодной погоды. Кроме того, в доме была кухня, на которой готовили обеды для всех.

Слушателями ульпана стали первые члены сионистской организации Ленинграда и их знакомые, в основном студенты или недавние выпускники. Уровень преподавания был высокий, язык изучали по дореволюционным изданиям и по израильским учебникам, которые получали нелегальным путем, а после размножали фотомеханическим способом. Вместе с уроками иврита в ульпанах также изучали историю еврейского народа, ивритские песни и т. п. Курс завершался сдачей экзамена.

Примерно через полтора месяца в городе появился второй ульпан. Его организаторами были Гилель Бутман, который преподавал иврит, и Соломон Дрезнер, занимавшийся хозяйственными делами. Помещения для ульпана было снято в Лисьем Носу, чуть ближе к городу.

В отличие от первого, второй ульпан размещался в небольшой комнате, 15–20 кв. м. Дежурные приезжали заранее и протапливали помещение. Обстановка в этом ульпане была более «семейная». Во время занятий, чтобы всем хватило места, слушатели сидели близко друг к другу, еду было принято привозить из дома с расчетом на тех, кто придет без всего. Длинные перемены

¹ До событий октября 1917 года иврит в большинстве еврейских общин изучали с детства, несмотря на то, что преимущественно домашним языком был идиш и другие локальные языки. После того, как иврит был запрещен (после революции) и языком советских евреев был объявлен идиш, а в 30-е годы XX в. закрылись последние еврейские школы с преподаванием иврита, небольшая часть советских евреев до 1960-х годов изучала язык втайне. С середины 60-х годов в стране все больше стали появляться подпольные курсы по изучению иврита. По аналогии с подобными курсами, действовавшими в Израиле, они стали называться «ульпанами».

у молодых людей проходили за игрой в футбол, а девушки в это время готовили стол. Все это давало чувство единения.

По словам Г. Бутмана, главным в ульпане было не получение знаний. Это были «маленькие еврейские республики, в которых за время обучения люди приходили от эмоционального сочувствия Израилю к идее о необходимости собственного выезда в страну» [4, с. 114].

Академический уровень второго ульпана был намного ниже. Закончившие его знали язык довольно сносно, но практически все вступали в организацию. В завершении курса слушатели получали в подарок набор самиздатовских брошюр. В набор входили: брошюра со стихами Ш. Черниховского, который внес важный вклад в литературу на иврите [8, с. 16]; брошюра со стихами «национального гения» и «поэтической личности» [9, с. 11] Х. Н. Бялика; фельетоны идеолога политического возрождения еврейского народа [10, с. 739] В. Жаботинского.

К 1969–1970 уч. году количество ульпанов в городе возросло до пяти. В одном из ульпанов, который располагался в Автово на квартире Бориса и Раи Фурман, читали стихи. Кроме встреч по воскресеньям, участники ульпанов вместе отмечали праздники, в частности, День Независимости.

Однажды в репинском ульпане побывала настоящая израильская танка – Фейга. Девушка родилась в Польше, позже они с семьей переехали в Израиль, а затем на Урал. В Ленинград она приехала из Перми по приглашению В. Могилевера, который познакомился с ней во время командировки. Несмотря на то, что на момент посещения ульпана она уже не жила в Израиле несколько лет, ее приезд стал настоящим событием для слушателей. От нее они впервые услышали настоящий иврит, израильские песни, узнали о жизни в Израиле от первого лица. Все свое отношение к Израилю они выплеснули на нее [4, с. 116–119].

Росту числа новых слушателей ульпанов послужила демонстрация переданного из Риги видового фильма об Израиле, который представлял собой отснятые с открыток из Израиля цветные диапозитивы. Давид Черноглаз составил комментарии к фильму, и его стали показывать в ульпанах, а потом и на частных квартирах.

Как вспоминал один из членов Ленинградской подпольной сионистской организации Соломон Дрейзнер: «Фигурально

выражаясь, наш воз двигался в просветительном направлении – нас уже было не восемь человек, а десятки. У нас были устав, программа, деньги – ежемесячные членские взносы. Мы проводили на квартирах вечера еврейской культуры, отмечали праздники, вручную печатали религиозные книги. <...> Правила поведения у нас были очень строгие. В соответствии с уставом мы должны были вести себя тише воды, ниже травы: нельзя было ехать в трамвае без билета, нельзя было переходить улицу в непопозволенном месте. Почему? Потому что лобой привод в милицию опасен»¹.

Подпольные ульпаны наравне с синагогой, печатным словом на идиш, по мнению властей, не представляли серьезной угрозы, так как были способом для нового поколения национально мыслящих евреев выразить свой протест против антисемитского движения [11, с. 4–5]. В действительности же ульпаны стали наиболее подходящей формой для решения нескольких проблем: «концентрировать молодежь в группах, находящихся под влиянием организации, пробуждать в ней национальное самосознание, давать ей основы знаний еврейской истории и языка» [4, с. 113]. В процессе занятий к участникам ульпанов внимательно присматривались, многие ульпанисты стали в дальнейшем членами Ленинградской сионистской организации.

К 15 июня 1970 г. Ленинградская сионистская организация включала в себя уже 6 групп, численность которых составляла почти 40 чел. Кроме того, бывшими студентами Ленинградского политехнического института была создана автономная группа в Кишиневе. Обучаясь на последнем курсе, они все стали членами ленинградской группы и по возвращении в Кишинев организовали группу уже там, поддерживая связь с ленинградской. Чтобы они могли преподавать иврит в кишиневских ульпанах В. Могилевер организовал для них в Ленинграде ускоренный курс иврита. На протяжении десяти дней студенты изучали язык по насыщенной программе, а в завершении курса получили в подарок книги на иврите для дальнейшего самостоятельного изучения.

Несмотря на рост численности участников организации за счет ульпанов, она развивалась практически только по одно-

¹ Шушарин И. ...И крылья эту свадьбу в даль несли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/69309130/> (дата обращения: 28.12.2022).

му пункту принятой программы – распространение еврейской культуры с целью пробуждения национального самосознания советской еврейской молодежи.

По второму пункту программы организации был застой. Для выезда в Израиль пробуждения самосознания советских евреев было недостаточно. Те, кто пришли к мысли покинуть СССР, подавали в ОВИР официальные документы для выезда, но после длительных ожиданий получали отказ.

Вместе с заявлением об отказе от советского гражданства в Президиум Верховного Совета отсылали паспорта, за их отсутствие штрафовала милиция и возвращала паспорта обратно. Открытые письма о положении советских евреев, периодически публикуемые в заграничной печати, оставались без ответа [4, с. 123].

Даже в этих условиях Организация продолжала работать, а количество ульпанов росло. Но требовались еще слушатели, чтобы доукомплектовать действующие ульпаны. Многие организаторы разыскивали кандидатов через знакомых. Так, в одном из ульпанов появился бывший военный летчик и инженер Марк Дымшиц. До этого он пытался самостоятельно изучать иврит, без учебников. Приглашение в ульпан от Гилеля Бутмана он принял сразу. После первой встречи Г. Бутман отправил М. Дымшица в ульпан, организованный на квартире одного из членов Ленинградской сионистской группы – Михаила Коренблита. Иврит в нем преподавал однофамилец Михаила – Коренбит Лев Львович.

В связи с занятиями в ульпане Марк Дымшиц стал часто заходить к Г. Бутману. Разговоры об иврите перешли к разговорам об Израиле. Гилель Бутман и Марк Дымшиц оказались единомышленниками. Спустя два месяца М. Дымшиц предложил Г. Бутману не дожидаться официального разрешения на выезд в Израиль, а угнать самолет и пересечь границу [4, с. 125–126].

Идея была принята. Ее главной мыслью стала не столько возможность покинуть СССР, сколько возможность рассказать мировой общественности о всех трудностях советских евреев – насильственной ассимиляции и невозможности эмигрировать. Стали обсуждаться варианты угона самолета. И первое предложение – захватить небольшой самолет АН-2, вылетающий из Еревана в Турцию, – было отвергнуто.

Причина заключалась в невозможности разместить на борту этого самолета всех желающих. Риск был бы не оправдан, а нужная цель не достигнута.

Следующий вариант предполагал захват и угон самолета ТУ-124 или ТУ-134, вылетающего из Мурманска. Марк Дымшиц во время полета должен был заставить пилотов изменить курс на Стокгольм, а в случае их отказа вести и посадить самолет лично. Сразу после приземления участники операции планировали провести пресс-конференцию, на которой бы рассказали о положении евреев в СССР. Они верили, что правительства различных государств и мнение мировой общественности убедят Советский Союз разрешить выезд евреев в Израиль. Лететь должны были члены сионистских организаций из Ленинграда и Риги, а также москвич Эдуард Кузнецов с супругой Сильвой Залмансон. Чтобы объяснить специфическую внешность пассажиров, для операции было придумано кодовое название – операция «Свадьба».

После долгой подготовки было решено провести операцию 2 мая 1970 г., но у некоторых членов организации появились опасения, что реализация плана повлечет за собой закрытие ульпанов, гибель не только организации, но и всего движения, а положение евреев ухудшится еще больше. Г. Бутман, как один из основателей Ленинградской сионистской организации и операции «Свадьба», считал, что она должна обязательно состояться, так как Организация создавалась с определенными целями, и необходимо рискнуть, чтобы алия сдвинулась с мертвой точки. В связи с опасением членов организации был предложен компромисс – запросить Израиль. В случае одобрения операции довести все до конца, если ответ будет отрицательный – оставить эту идею. Но на поиски связи с Израилем требовалось время, и операцию пришлось отложить.

В конце мая 1970 года из Израиля пришел ответ – «категорически нет». Но М. Дымшиц, который к тому времени уже сдружился и часто обсуждал вопрос угона самолета с Э. Кузнецовым, не отказался от плана. Так как он не являлся членом Ленинградской сионистской организации, то проблемы движения его не беспокоили. Шансов на получение официального разрешения на отъезд в Израиль, как считал сам Марк, у него не было.

В начале июня 1970 г. М. Дымшиц сообщил, что появилась новая возможность угона самолета. Небольшой аэропорт «Смольное» под Ленинградом возобновил полеты АН-2 в пограничный с Финляндией Приозерск [12, с. 69]. Вместе с Э. Кузнецовым, который проживал в Риге, они внесли корректировки и переназначили дату – 15 июля 1970 г.

15 июля 1970 г. группу арестовали сотрудники КГБ около трапа самолета в ленинградском аэропорту «Смольное». В этот же день были произведены аресты и других членов сионистской организации в Ленинграде, Риге и Кишиневе. В том числе был арестован Г. Бутман, который после запрета на проведение операции «Свадьба» вышел из подготовки к ней. КГБ использовал самолетный инцидент, чтобы покончить с еврейским движением в СССР.

15 декабря 1970 года в здании городского суда Ленинграда начался процесс по «первому Ленинградскому делу» – по делу группы, готовившей захват самолета. Приговор был вынесен 24 декабря. Эдуарда Кузнецова и Марка Дымшица приговорили к смертной казни, остальных участников группы к разным срокам строгого режима. Процесс получил широкий резонанс на Западе, мощная международная волна протестов заставила Москву смягчить приговоры [6, с. 329].

Уже 29 декабря 1970 года началось рассмотрение кассационных жалоб осужденных и их адвокатов коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 31 декабря смертная казнь М. Дымшицу и Э. Кузнецову была заменена на пятнадцать лет лишения свободы. Верховный суд счел это возможным, так как их преступная деятельность была пресечена в стадии покушения [13]. Также был смягчен приговор еще троим осужденным по первому процессу.

20 мая 1971 года был оглашен приговор участникам «второго Ленинградского дела» – участникам комитета ленинградской сионистской организации. Рассмотрение дела длилось полторы недели. «Г. И. Бутман был осужден на десять лет, М. С. Коренбит – на семь лет лишения свободы. Остальные участники преступной группы приговорены к различным срокам лишения свободы – от пяти до одного года» [14].

Тем не менее попытка угона имела действие. В 1971 г. советские евреи стали самой «животрепещущей общественной

темой» [15, с. 242], и на небольшой срок, до начала 1980-х гг., ограничения на эмиграцию из СССР смягчились. В 1971 г. страну покинули 12,9 тыс. евреев, в 1972-м – 31,9 тыс. За 1969–1972 гг. большая часть ветеранов и лидеров движения за национальное возрождение покинули СССР. В 1979–1980 гг. участники ленинградских процессов 1970 года также были выдворены в Израиль в обмен на разоблаченных на Западе советских агентов.

Несмотря на аресты первых преподавателей, деятельность ульпанов не только не прекратилась, наоборот, она набирала обороты. К концу 1970 г. в городе было уже 12 ульпанов, в которых изучали иврит и историю более 100 чел. Преподавали в ульпанах либо молодые люди, успевшие пройти хотя бы первую часть учебника, или пожилые выходцы из прибалтийских советских республик, успевшие выучить иврит до 1940-х гг.

В 1972 г. в одной из ульпанов преподавал уроженец Риги, «отказник» Бенья Хайкин. Преподавать он согласился после долгих уговоров одного из «отказников» Ленинграда Абы Тарута. Занятия проходили на квартире Бени. Участники ульпана, а их было всего восемь, занимались по самодельным копиям учебника «Элеф милим». Среди ульпанистов были будущие преподаватели иврита, художник Евгений Абезгауз и Лев Фурман, который приложил много усилий для создания в городе сети ульпанов [16].

Занятия у Б. Хайкина длились 2 года. По окончании ульпана многие участники также стали преподавать. Например, Аба Тарута стал преподавать не столько из-за знания языка, сколько из-за нехватки учителей для всех желающих выучить иврит. Первая группа А. Тарута состояла из 10–11 человек. Занятия проходили у него на квартире, на проспекте Космонавтов, раз в неделю. Как вспоминал Леонид Фридкин: «Атмосфера была радостной и спокойной, хотя мы знали, что находимся под неусыпным вниманием КГБ» [16].

Занятия у Абы Тарута длились несколько сезонов с ноября по май. По окончании каждого учебного года участникам вручались свидетельства о его успешном завершении. Со временем к преподаванию иврита присоединилась жена Аббы Ида Тарута. Она преподавала для группы пожилых евреев. Деятельность ульпанов продолжалась вплоть до «перестройки», во время которой она была легализована и стала частью фундамента еврейского образования в странах на территории бывшего СССР.

Обсуждение и выводы

Ульпаны, возникшие с целью пробуждения национально-го сознания молодежи и для изучения иврита и еврейской культуры, стали основной движущей силой Ленинградской сионистской организации. Многие ульпанисты впоследствии стали членами организации.

Деятельность ульпанов была направлена на распространение еврейской культуры с целью пробуждения национального самосознания советской еврейской молодежи, что являлось одним из пунктов программы организации. Но для выезда в Израиль, т. е. для реализации второго пункта программы, этого было недостаточно. В конечном итоге это привело к возникновению идеи угона самолета с целью покинуть СССР и донести до мирового сообщества ситуацию с положением советских евреев. Несмотря на срыв плана по угону самолета и арест участников операции и членов Ленинградской сионистской организации, попытка покинуть СССР сыграла важную роль. Положение советских евреев в начале 1970-х гг. активно обсуждалось на Западе, что повлекло за собой смягчение ограничений эмиграции из страны.

Несмотря на эмиграцию и арест многих преподавателей ульпанов, их деятельность продолжилась, а в послеперестроечные годы они стали основой еврейского образования не только в Ленинграде, но и странах бывшего СССР.

Нелегальная работа в ульпанах, которые в середине 1960-х годов появлялись как основа сионистских групп, для многих «отказников» явилась началом для профессиональной деятельности по преподаванию иврита, еврейской истории, литературы и искусства. Большинство преподавателей ульпанов 1980-х гг. переехали в Израиль и преподают иврит.

Список литературы

1. Гессен В. Ю. Сопратник Петра I Петр Павлович Шафиров: государственная и предпринимательская деятельность // Клио. – 2016. – № 6 (114). – С. 158–169.
2. Кондратьева М. К. Зарождение современной еврейской культуры Санкт-Петербурга – Ленинграда в 60–80-х гг. XX века // Научное мнение. – 2016. – № 14. – С. 67–72.
3. Королева Л. А., Молькин А. Н. Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 16–33.
4. Бутман Г. И. Иерусалим – Ленинград с долгой пересадкой / вступ. ст. А. Белова; ред. Р. А. Зернова. Израиль: Библиотека-Алия, 1981. 232 с.

5. Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Нац. жизнь и советизация. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 1999; 5760. 447 с.
6. История еврейского народа в России: в 3 т. Т. 3: от революций 1917 года до распада Советского Союза / под ред. М. Бейзера. М.: Мосты культуры – Гешарим, 2017. 480 с.
7. Кандель Ф. С. Очерки времен и событий из истории российских евреев. 1945–1970 гг. Книга 6. М.: Мосты культуры, 2007. 560 с.
8. Черниковский Ш. Стихи и идиллии / под ред. и со вступ. ст. Льюиса Бернхардта. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1974. 206 с.
9. Бялик Х. Н. Стихи и поэмы / пер. Вл. Жаботинский [и др.]. Тель-Авив: Двир, 1990. 144 с.
10. Жаботинский, Владимир Евгеньевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Доп. т. 1А: Гаагская конференция – Кочубей. СПб.: Тип. Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1905. – С. 738–739.
11. Шимон Бен-Тамар. Советское еврейство и русский язык // Сион: литературно-публицистический журнал. – 1975. – № 12. – С. 3–6.
12. Менделевич Й. М. Операция «Свадьба» / ред. П. Клейнер. Jerusalem: Gesharim Na-Tshuva, 1987. 488 с.
13. Барсов В., Федосеев А. Преступники наказаны // Известия. – 1971. – 1 января. – С. 5.
14. Преступники наказаны // Известия. – 1971. – 21 мая.
15. Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / отв. ред. О. В. Будницкий; сост. О. В. Белова; Междунар. исслед. центр рос. и восточноевроп. Еврейства. М.: РОССПЭН, 2008. 447 с.
16. Тарута А. Негрустные воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль / Аба Тарута, Ида Тарута. Хайфа: G.M.C, 2016. 180 с.

Activities of the Leningrad Ulpan in 1965–1970

Elmar A. Bernadskii

The article represents history of emergence of the Leningrad Zionist organization and the ulpan, which were the basic level of the organization's activities, as well as history of the «Wedding» operation preparation. Classes in ulpan contributed to the awakening of the national self-consciousness of Soviet Jews, which was one of the points of the Organization's program. The memoirs of Hillel Butman, published after his emigration to Israel, helps to recreate the picture of the organization's emergence and the ulpan's activities. He stood at the organization's origins, created one of the first ulpan in the suburbs of Leningrad, was one of the organizers of the «Wedding» operation, which became a turning point not only for its participants, but also for other organization members, as well as for the Zionist process in the USSR. Despite the fears of the organization members that the implementation of the plane hijacking plan would destroy the ulpan, they continued their activities after the first teachers were arrested.

A lot of ulpan attendants, after emigration from the USSR, professionally engaged in teaching Hebrew.

Key words: Jews of Leningrad, national revival, refuseniks, Zionist movement, Leningrad Zionist organization, ulpan, operation "Wedding".

For citation: Bernadskii, E. A. (2023) Deyatel'nost' leningradskikh ulpanov v 1965–1970-h godah. [Activities of the Leningrad Ulpan in 1965–1970]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 146–160. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_146. EDN: OJGWRW

References

1. Gessen, V. YU. (2016) *Soratrik Petra I Petr Pavlovich SHafirov: gosudarstvennaya i predprinimatel'skaya deyatel'nost'* [Associate of Peter I Pyotr Pavlovich Shafirov: state and entrepreneurial activity]. *Klio* [Klio]. No. 6 (114). Pp. 158–169. (In Russ.)
2. Kondrat'eva, M. K. (2016) *Zarozhdenie sovremennoj evrejskoj kul'tury Sankt-Peterburga – Leningrada v 60–80-h gg. XX veka* [The origin of modern jewish culture of Saint Petersburg – Leningrad in the 1960–1980s]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion]. No. 14. Pp. 67–72. (In Russ.)
3. Koroleva, L. A., Mol'kin, A. N. (2015) *Evrejskaya oppozitsiya v SSSR. 1950–1970-e gg.* [The jewish opposition in the USSR. 1950–1970s]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1–1. Pp. 16–33. (In Russ.)
4. Butman, G. I. (1981) *Ierusalim – Leningrad s dolgoj peresadkoj* [Jerusalem – Leningrad with a long transfer]. Izrail': Library-Aliya. (In Russ.)
5. Beizer, M. (1999) *Evrei Leningrada, 1917–1939: Nacional'naya zhizn' i sovetizatsiya* [The Jews of Leningrad, 1917–1939. National life and Sovietization]. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim. (In Russ.)
6. *Istoriya evrejskogo naroda v Rossii. V 3 tomah. Tom 3: Ot revolyucij 1917 goda do raspada Sovetskogo Soyuza* (2017) [History of the Jewish people in Russia. In 3 volumes. Volume 3: From the revolutions of 1917 to the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Mosty kul'tury – Gesharim. (In Russ.)
7. Kandel, F. S. (2007) *Ocherki vremen i sobytij iz istorii rossijskikh evreev. 1945–1970 gg. Kniga 6* [Essays on the times and events from the history of Russian Jews. 1945–1970. Book 6.]. Moscow: Mosty kul'tury. (In Russ.)
8. CHernihovskij, SH. (1974) *Stihi i idillii* [Poems and idylls]. Jerusalem: Library-Aliya. (In Russ.)
9. Byalik, H. N. (1990) *Stihi i poemy* [Verses and poems]. Tel Aviv: Dvir. (In Russ.)
10. *ZHabotinskij, Vladimir Evgen'evich* (1905) [Jabotinsky, Vladimir Evgenievich]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Dop. t. 1A: Gaagskaya konferenciya – Kochubej* [Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Dop. Vol. 1A: Hague Conference – Kochubey]. Saint Petersburg: printing house of Brockhaus-Efron Joint Stock Company. Pp. 738–739. (In Russ.)
11. *Shimon, Ben-Tamar* (1975) *Sovetskoe evrejstvo i russkij yazyk* [Soviet Jewry and the Russian language]. *Sion: literaturno-publicistichestkij zhurnal* [Zion: literary and journalistic magazine]. No. 12. Pp. 3–6. (In Russ.)
12. Mendelevich, J. M. (1987) *Operatsiya «Svad'ba»* [Operation «Wedding»]. Iyerusalim: Gesharim. (In Russ.)
13. Barsov, V. (1971) *Prestupniki nakazany* [Criminals punished]. *Izvestiya* [News]. January 1st. P. 5. (In Russ.)
14. *Prestupniki nakazany* (1971) [Criminals punished]. *Izvestiya* [News]. May 21. (In Russ.)
15. Budnickij, O. V., Belova, O. V. (2008) (eds.) *Evrejskaya emigratsiya iz Rossii. 1881–2005* (2008) [Jewish Emigration from Russia. 1881–2005]. *Mezhdunar. issled. centr ros. i vostochnoevroj. Evrejstva* [International Research Center of Russian and Eastern European Jews]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
16. Taruta, A. (2016) *Negrustnye vospominaniya o nashej sem'e, zhizni v Leningrade i bor'be za vyezd v Izrail'* [No Sad memories of our family, life in Leningrad and the struggle to leave for Israel]. Hajfa: G.M.C. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.04.2023

Одобрена после рецензирования 06.07.2023

Принята к публикации 15.07.2023